

Проблемы распространения в Туркменистане идеологии радикальных исламских сообществ

14.02.2021 г.

Аналитическая записка¹

Аналитическая записка содержит обзор ситуации с распространением запрещенных сообществ и связанного с ними религиозного контента в Туркменистане, политики властей по предотвращению радикализации на религиозной почве. Текст отражает результаты исследования, проведенного в 2020-2021 гг. под эгидой Центра религиозоведческих исследований Кыргызстана (в рамках регионального проекта Internews).

«Запрещенные организации» в Туркменистане

Термин «запрещенные организации» (террористические или экстремистские) применительно к Туркменистану является юридически неточным. Согласно ст.7 Закона Туркменистана «О свободе вероисповедания и религиозных организациях» от 26.03.2016² запрещается деятельность религиозных организаций, «тайно осуществляющих религиозную деятельность» (то есть незарегистрированных), способствующих терроризму и совершению других преступлений, а также пропагандирующих их (п.2); также «запрещаются деятельность партий на религиозной основе, создание и деятельность религиозных организаций, цели и действия которых направлены на утверждение в государстве верховенства одной религии, разжигание религиозной вражды или розни, в том числе связанных с насилием или призывами к насилию и иными противоправными действиями» (п.6).

В то же время в Туркменистане (в отличие от других стран Центральной Азии) отсутствует публичный официальный список запрещенных террористических и экстремистских организаций. Для рабочих целей спецслужб и правоохранительных органов существуют секретные материалы с перечислением зарубежных террористических и религиозно-экстремистских организаций, представляющих угрозу для безопасности страны³. Однако такие перечни не являются публичными и не основаны на какой-либо правовой процедуре запрета (помимо наличия части этих организаций в санкционных списках соответствующего Комитета Совета безопасности ООН).

Формально процедура судебного запрета организаций как «террористических» предусмотрена ст.24 Закона Туркменистана «О борьбе с терроризмом» от 15.08.2003⁴ и ст.31 пришедшего ему на смену Закона «О противодействии терроризму» от 25.11.2017⁵. Однако на практике эта процедура никогда не применялась. Кроме того, если закон 2003 года предполагал возможность запрета в качестве «террористических» любых организаций, осуществляющих террористическую деятельность, то закон 2017 года предусматривает возможность такого запрета лишь в отношении организаций или ее отделений, имеющих официальную регистрацию (статус юридического лица) в Туркменистане. Это значительно сужает сферу возможного применения соответствующей статьи закона, так как организации, включенные в санкционные списки Совета

---

¹ Подготовлена в рамках проекта «Усиление устойчивости к радикализации и дезинформации в Центральной Азии», реализуемого Интерньюс в Кыргызстане, Казахстане, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане при финансовой поддержке Европейского Союза. Бишкек, февраль 2021 года.

² Текст закона доступен на <http://www.turkmenistan.gov.tm/?id=10793>

³ Частное сообщение, полученное автором от источника в Ашхабаде в ноябре 2020 года.

⁴ Текст закона доступен на <http://www.cisatc.org/7927>

⁵ Текст закона доступен на <http://www.minjust.gov.tm/mcenter-single-ru/286>

безопасности ООН или в списки запрещенных в других государствах Центральной Азии, никогда не имели регистрацию в Туркменистане.

Что касается термина «запрещенные экстремистские организации», присутствующего в законодательстве других стран Центральной Азии, в Уголовном Кодексе Туркменистана статья 177.1, предусматривающая ответственность за участие в организации, в отношении которой имеется вступившее в силу судебное решение о признании ее экстремистской, появилась лишь 21.11.2015⁶. По сообщениям СМИ, проект закона «О противодействии экстремизму», был одобрен на заседании Меджлиса (парламента) Туркменистана 28 февраля 2015 года⁷. Однако в дальнейшем этот закон не упоминался в СМИ, в доступных судебных и следственных документах соответствующей тематики, он отсутствует в официальных базах данных туркменского законодательства. В практике правоохранительных органов ст.177.1 УК (как и другие статьи, содержащие упоминание «экстремизма») не применяется. Для уголовного преследования предполагаемых религиозных радикалов используются другие обвинения⁸.

В ситуации отсутствия официального списка запрещенных религиозно-экстремистских организаций для целей данного исследования были проанализированы имеющиеся в распоряжении автора документы и материалы, связанные с несколькими уголовными и экстрадиционными делами последних лет. Их анализ позволил определить, что в официальных туркменских источниках в качестве насильственных исламистских групп, стремящихся свергнуть существующий государственный строй в Туркменистане, в последние годы упоминаются: 1) религиозно-экстремистская организация «джихадисты», 2) организации «Wahhabi» (ваххабиты) и «Selefi» (салафиты), 3) «Хизб ут-Тахрир». Все эти сообщества (кроме «Хизб ут-Тахрир», запрещенной в России и большинстве стран Центральной Азии) фактически не являются едиными организациями, их названия используются как некие условные обобщенные бренды.

Из группировок, действующих в Сирии, в документах указано только «Исламское государство» (далее - ИГ), название которой, предположительно, используется как обобщенный лейбл для действующих в Сирии различных групп джихадистов. Говорится о выезде в ИГ граждан Туркменистана и причастности последних к агитации в поддержку ИГ внутри страны и среди граждан Туркменистана, находящихся за рубежом. Нет упоминаний о какой-либо деятельности ИГ, направленной непосредственно против Туркменистана. Названия других джихадистских сообществ в Сирии, в том числе популярных среди выходцев из Центральной Азии, в доступных документах отсутствуют.

Некоторые материалы содержат упоминание организации «Братья-мусульмане» («Аль-Ихван аль-Муслимун»). О ней говорится в контексте того, что общение граждан Туркменистана с ее сторонниками за рубежом ведет к радикализации. Несколько лет назад туркменских студенты в Египте, подозреваемые в общении с «братьями-мусульманами», столкнулись с проблемами на родине. Однако сейчас «египетское направление» не рассматривается туркменскими властями как важное, большинство молодых туркменских исламистов, фигурировавших в списках спецслужб, покинуло Египет.

После неудавшейся попытки государственного переворота в Турции в 2016 году власти Туркменистана к числу насильственных религиозных организаций стали относить также движение сторонников Фетхуллаха Гюлена (упоминается как общество «фетхуллахчилар») и так называемых «нурджулар» (аполитичные группы последователей Саида Нурси, изучающие книги из собрания «Рисале-и Нур»). Согласно официальной

---

⁶ Текст закона доступен на <http://minjust.gov.tm/mcenter-single-ru/5>

⁷ На седьмом заседании Меджлиса Туркменистана пятого созыва был рассмотрен пакет важных законопроектов // Turkmenistan.ru, 01/03/2015 (<http://www.turkmenistan.ru/ru/articles/40531.html>).

⁸ Здесь и далее в разделе оценки и выводы сделаны на основе изучения приговоров и экстрадиционных запросов 2016-2018 гг. по нескольким уголовным делам о религиозном экстремизме, возбужденным в Туркменистане. Копии документов имеются в архиве автора. В открытых источниках тексты недоступны.

трактовке общество «фетхуллахчилар» является частью религиозного движения «нурджулар». Уголовные дела в отношении предполагаемых «фетхуллахчилар» привлекли внимание зарубежных СМИ. Однако в соответствии с методологией исследования нарративы двух этих групп в Туркменистане исключены из нашего анализа.

Общая характеристика ситуации с распространением запрещенного религиозного контента в Туркменистане

В отличие от других стран Центральной Азии, в которых радикалы активно используют интернет для распространения своих нарративов, в туркменском сегменте интернета (включая соцсети) в настоящее время отсутствует систематическая и интенсивная пропаганда, направленная на усиление влияния радикальных исламистских групп внутри Туркменистана.

Эта гипотеза нашла подтверждение при изучении доступных on-line материалов на туркменском языке, а также в ходе переписки и интервью с рядом лиц, поддерживающих контакт с источниками внутри Туркменистана (среди них - журналист Туркменской службы RFE/RL в Праге; руководитель организации «Туркменская инициатива» в Вене, имеющей корреспондентскую сеть внутри Туркменистана; несколько проживающих в разных странах мусульман, связанных в прошлом с туркменскими салафитскими группами в России, Туркменистане и Египте; гражданский активист в Ашхабаде и др.). Контакты с некоторыми другими туркменским эмигрантами, включая встречу в Стамбуле в октябре 2020 с активистами нового туркменского протестного движения, мало что дополнили к сложившейся общей картине.

Если джихадистские группы, созданные выходцами из других Центрально-Азиатских государств, иногда связывались с соответствующей национальной редакцией RFE/RL, пересылали журналистам свои материалы, применительно к туркменским религиозным радикалам такие случаи неизвестны.

В ходе изучения on-line источников не удалось найти материалы, подготовленные от имени каких-либо известных религиозно-экстремистских или террористических организаций, ориентированных на аудиторию внутри Туркменистана (изучались материалы, опубликованные на туркменском языке на латинице или сохраняющей распространение кириллице, для «Хизб ут-Тахрир» - также на русском и английском языках). В зонах конфликтов на Ближнем Востоке и за его пределами отсутствуют какие-либо известные вооруженные или иные формирования, которые бы возглавлял выходец из Туркменистана или в которых граждане Туркменистана составляли бы заметную часть или большинство. Также нет действующих религиозных лидеров или известных религиозных блоггеров, связанных с неофициальным исламом, которые бы систематически распространяли свои материалы на туркменском языке через интернет. То ограниченное число материалов, предположительно связанных с преследуемыми в Туркменистане исламскими сообществами, которые доступны он-лайн, как правило полностью анонимны, открыто фигурируют лишь немногие имена, в основном тех, кого уже нет в живых или на свободе.

В ряде аналитических публикаций, посвященных джихадистскому движению на Ближнем Востоке в период активной фазы сирийского кризиса, упоминалось о 360-500 туркменах, участвующих в джихадистском движении в Сирии⁹. Достоверность этой цифры не ясна. Кроме того, в это число, скорее всего, были включены и этнические туркмены (туркоманы) из Ирака и Сирии, не являющиеся гражданами Туркменистана. Именно эти группы, вероятно, составляют заметную часть в упоминаемых цифровых оценках. Косвенным подтверждением такого предположения является относительно небольшое число туркменоязычных on-line материалов, связанных с сирийским кризисом

---

⁹ Подборка нескольких сообщений по туркменским боевикам представлена в книге Карин Е., Зенн Дж. Между ИГИЛ и Аль-Каидой: центральноазиатские боевики в Сирийской войне. Астана, 2017, с.197.

(тексты на кириллице и латинице), на фоне гораздо более впечатляющего информационного потока на языках других титульных народов стран Центральной Азии.

Некоторый всплеск интереса к тематике, обычно фигурирующей в пропаганде религиозно-экстремистских групп, в туркменском сегменте интернета отмечался в период с начала «арабской весны» 2011 и до разгрома ИГ в 2017. Сейчас эта волна практически сошла на нет.

Показательно, что использование «Brand Analytics» для поиска за период с 01.01.2019 по 01.05.2020 дало для туркменоязычных on-line ресурсов близкий к нулевому результат¹⁰.

Этот спад особенно заметен на фоне лавинообразного распространения в сети со второй половины 2019 года и особенно в 2020 материалов с критикой туркменского правительства. Новое туркменское протестное движение за рубежом получило быстрое распространение и даже попыталось осенью 2020 перенести протестную активность внутрь страны (пока безуспешно). Произошел скачкообразный рост интереса туркменской аудитории к разного рода on-line материалам, содержащим критику властей¹¹. Однако религиозная тематика в них практически не представлена.

Разумеется, внутри Туркменистана деятельность радикальных исламистских групп, не прекратилась, несмотря на все ужесточения и преследования (последняя масштабная «зачистка» пришлась на период подготовки Азиатских игр в Ашхабаде в 2017 году), но их активность сейчас невелика и распространение идеологического контента происходит, как правило, вне on-line пространства.

Хотя спецслужбы Туркменистана по-прежнему жестко и часто непропорционально (по западным стандартам) реагируют на проявления предполагаемого религиозного радикализма, угрозы, связываемые с деятельностью зарубежных религиозных радикалов, в 2019-2020 гг. отошли для правительства на второй план - в сравнении с опасениями,

¹⁰ В отношении всего контента на разных языках программа «Brand Analytics» (далее – ВА) выявила в соцсетях за указанный период 120 материалов (тексты, репосты, комментарии и т.п.), предположительно связанных с Туркменистаном и содержащих термины из словника, согласованного в рамках методологии проекта. Просмотр аккаунтов авторов этих материалов (помимо небольшого числа заблокированных, удаленных или закрытых для просмотра) показал, что регулярно обращаются к исламской тематике авторы менее половины выявленных ВА текстов. В подавляющем большинстве они проявляли интерес к различным аспектам исламской тематики, не связанным с темой проекта. При этом далеко не все авторы, указавшие свою локацию как Туркменистан, в действительности находились в этой стране или были связаны с ней. Так, некий Julaybib Ibn Ahmad, якобы проживающий в Ашхабаде и использовавший при оформлении страницы элементы символики джихадистов (<http://ok.ru/profile/553099539961>), судя по содержанию аккаунта и списку друзей является выходцем из узбекской общины юга Кыргызстана. К Туркменистану его материалы отношения не имеют. Страница Julaybib Ibn Ahmad (91 подписчик) является наиболее радикальной из обнаруженных ВА в «туркменском сегменте» соцсетей. Из других «туркменских радикалов» можно отметить этнического азербайджанца из Красноводска Nabil Mahmudoglu, 43 года (200 друзей), разместившего, помимо прочего, репосты из TikTok эмоциональных выступлений северо-кавказского салафитского проповедника Имама Мицаева на русском языке (<http://ok.ru/profile/507803264853>). Пользователь Ishankuli Fayzullaev (<http://www.facebook.com/ishankuli.fayzullayev>), вероятно, также является уроженцем Туркменистана. На своей русскоязычной странице в Facebook он декларирует неприятие терроризма, при этом репостит материалы о притеснении мусульман в мире; спрашивает читателей, почему мир слабо реагирует на притеснения уйгуров в Китае и узников Гуантанамо; призывает туркмен к бойкоту французских товаров из-за позиции Макрона в связи с карикатурами на Пророка (28/10/2020). Судя по некоторым комментариям, это уже не молодой человек. Аудитория его постов небольшая. Еще несколько выявленных ВА «туркменских пользователей» пытаются систематически размещать религиозные лекции и другие материалы по исламу. Из всех этих авторов лишь в отношении Julaybib Ibn Ahmad есть основания предполагать его возможную связь с одной из насильственных религиозно-экстремистских организаций.

¹¹ Примечательна такая статистика. Публикация «Мемориала» об осуждении на 15 лет двух туркменских студентов за хранение аудиофайлов с религиозными лекциями Газакова (о нем см. ниже) в августе 2020 года набрала более 12 тыс. просмотров на сайте «Хроника Туркменистана». Для сравнения: аналогичный материал на том же сайте в 2016 году собрал менее 350 просмотров. Кроме того, материал был воспроизведен неизвестным ресурсом в аудиоформате и размещен на Youtube, что добавило еще более 29000 просмотров (в настоящее время ссылка недоступна). И это не считая репостов на других сайтах, ориентированных на туркменскую аудиторию.

связанными с ростом влияния нового протестного движения, возникшего среди туркменских мигрантов за рубежом.

Гражданский активист в Ашхабаде отмечает, что власти получили определенную передышку, связанную с ограничением международных авиасообщений и почти полным закрытием границы из-за COVID, которые продлятся минимум до весны 2021 года¹².

***

Наличие лишь небольшого числа on-line материалов на туркменском языке, связанных с тематикой проекта, частично может быть объяснено крайне жестким правительственным контролем за интернетом.

Туркменистан входит в десятку стран мира с наиболее жесткими ограничениями, занимая в ней 4-ое место. Ни одна другая страна региона в первые две десятки не входит¹³.

Действующие ограничения являются беспрецедентными для Центральной Азии. По сообщению активиста в Ашхабаде¹⁴, в стране уже не один год заблокированы YouTube, Facebook, LiveJournal, Whatsapp, Viber, Twitter, VK, OK, WeChat, Line и др. Последней примерно три года назад была заблокирована российская социальная сеть «Одноклассники» (OK.ru). Некоторые пользователи имеют доступ к блокируемым сетям через VPN-сервисы, однако доступ к ним тоже блокируют и постоянно приходится искать новые варианты обхода блокировок¹⁵. Кроме того, использование VPN и прокси-серверов делает невозможным достоверный учет туркменской аудитории того или иного информационного ресурса¹⁶.

Практически единственным распространенным мессенджером в Туркменистане является IMO.IM. Власти оставили доступ к нему, так как могут контролировать содержание переписки, при этом голосовая связь через IMO в последние месяцы часто недоступна. Есть сообщения, что в 2019-2020 гг. небольшая часть пользователей стала использовать Telegram (пока нет данных, что этот канал используется для пропаганды радикальных идей).

Дополнительными проблемами, ограничивающими возможности использования on-line ресурсов для распространения радикального контента внутри страны, является неразвитость интернет-сети. Интернет доступен лишь 26 процентам населения и его регулярная оплата является серьезной нагрузкой для бюджета средней семьи. Скорость интернета в Туркменистане – самая низкая в мире¹⁷. Сеть интернет-кафе не развита и находится под жестким контролем. Существуют также проблемы низкого качества интернет-коммуникаций в отдельных регионах (в том числе в областных центрах).

Все это серьезно ограничивает возможность радикальных групп по использованию интернет-ресурсов для непосредственного воздействия на аудиторию внутри Туркменистана.

¹² Частное сообщение, полученное автором от источника в Ашхабаде 15.11.2020.

¹³ Paul Bischoff. Internet Censorship 2020: A Global Map of Internet Restrictions // comparitech.com, 15.01.2020 (<http://www.comparitech.com/blog/vpn-privacy/internet-censorship-map/>)

¹⁴ Частное сообщение, полученное автором от источника в Ашхабаде 28.10.2020.

¹⁵ Одно из описаний таких проблем см. Праздник приближается. В Мары резко снизилась скорость интернета // Радио Азатлык, 17.09.2019 (<http://rus.azathabar.com/a/30168340.html>).

¹⁶ В некоторых недавних публикациях встречаются упоминания, например, о 13000 туркменских пользователей Facebook. Согласно комментарию нашего контакта в Ашхабаде, Facebook по-прежнему заблокирован, а опубликованная цифра вероятно отражает информацию, указанную пользователями при регистрации аккаунта. Туркменские студенты и мигранты, выезжающие за рубеж, при регистрации в соцсетях не редко указывают Туркменистан как страну постоянного проживания.

¹⁷ При сравнении по 176 странам, см. Speedtest Global Index за октябрь 2020 (<http://www.speedtest.net/global-index>).

В контексте темы исследования описанные выше ограничения интернета дополняются жестким визовым режимом. Иностранцам (даже обычным туристам) часто бывает трудно получить туркменскую визу.

Можно предположить, что эти факторы влияют на то, что зарубежные религиозно-экстремистские группы, столкнувшись с туркменскими реалиями, не слишком стремятся тратить ресурсы на преодоление существующих жестких барьеров или на заметное расширение пропаганды на туркменском языке. Тем более что в Турции и в странах СНГ имеется большое число граждан Туркменистана, являющихся гораздо более удобным объектом идеологического воздействия.

***

По имеющимся данным, радикализация туркменской молодежи происходит в основном через воздействие на туркменских мигрантов в Турции и на Северном Кипре (оценки колеблются от 500-700 тыс. до более миллиона – огромная цифра для относительно небольшой страны, впрочем, некоторые из упоминаемых в СМИ оценок явно завышены) и туркменских студентов, обучающихся в странах СНГ (Россия, Белоруссия, Украина, Кыргызстан и др. – оценки до 100 тыс. и более) и исламских учебных заведениях в странах Ближнего Востока (небольшое число студентов в Саудовской Аравии, Египте и др.). Турция является безвизовой для граждан Туркменистана. В отличие от других стран Центральной Азии Россия, напротив, не является для Туркменистана важным направлением трудовой миграции из-за жесткого визового режима, который не распространяется лишь на лиц с двойным гражданством. Во многие другие страны СНГ и Европы туркмены выезжают, как правило, по студенческим визам.

Туркменские студенты и трудовые мигранты попадают под влияние радикальных идей под влиянием личных знакомств в этих странах, кроме того им доступны материалы на распространенных в них языках (турецком, русском, арабском и др.). Эти знания и идеи усваиваются неофитами и затем импортируются ими в Туркменистан.

В некоторых туркменских документах отмечается влияние на обучающихся за рубежом студентов идей российского проповедника Саида Бурятского (погиб в Чечне в 2010 году) и Абу Яхья Крымский, северо-кавказских «ваххабитов», но подробная информация отсутствует.

Стоит отметить, что среди туркменских студентов за рубежом отмечается не только распространение радикальных идей, но и общее повышение уровня религиозности, интереса к исламу, более строгой регулярности в соблюдении религиозных обрядов и требований религии. Многие стали соблюдать исламские нормы поведения лишь в период учебы в вузе. Это объясняется как влиянием друзей из числа мусульман (не только туркмен), так и интересом к поискам собственной идентичности, которые внутри Туркменистана подавляются.

Один из бывших туркменских студентов, находящийся в России, так прокомментировал ситуацию: «Здесь мы общаемся, смотрим сайты, обсуждаем различные религиозные темы... А дома об этом просто не говорят. Да и опасно. Когда возвращался туда (в Туркменистан), скоро становилось скучно»¹⁸. Туркменская аудитория за рубежом (трудовые мигранты и студенты) остается наиболее очевидным объектом идеологического воздействия радикальных групп.

В этом контексте интересна недавняя (сентябрь 2020 года) публикация, упоминающая о 7 уголовных делах в Туркменистане в отношении преступлений на религиозной почве за последние 1,5 года. Согласно источнику, «основными фигурантами

---

¹⁸ Интервью с автором, май 2020.

этих дел стали молодые ребята, которые за время учебы за границей, чаще всего в ВУЗах России, стали либо изучать запрещенную религиозную литературу, либо уже проявили себя сторонниками радикальных течений религии. У студентов в Туркменистане такой тяги нет, так как у них нет доступа к запрещенным сайтам». Автор статьи отмечает, что, находясь за границей, «молодые люди оказываются вне строгого родительского и тотального государственного контроля» и что среди туркменских студентов в России стало модным скачивать и затем прослушивать «экстремистские проповеди»¹⁹.

В прошлые годы был известен случай, когда несколько туркменских студентов в Санкт-Петербурге уехали в Турцию и Египет, затем радикализировались и присоединились к ИГ. Из-за границы они безуспешно пытались уговорить приехать в Сирию других религиозных туркмен, знакомых им по Санкт-Петербургу. Общение на эти темы происходило по телефону и через мессенджеры²⁰.

Студент, знакомый с проповедником Ровшеном Газаковым (о нем ниже) по Каиру в период, когда последний начал размещать в сети свои лекции по исламу, вспоминает, что отклики на эти аудиовыступления приходили только от тех туркмен, которые находились за пределами Туркменистана²¹.

Аналогичную ситуацию мы видим в нескольких туркменских группах и на персональных страницах туркменистанцев, появившиеся в соцсетях в период сирийского кризиса и обсуждавших связанные с исламом темы. Судя по личным данным, которые сообщали о себе участники групп, большинство из них были студентами или выпускниками вузов постсоветских стран и в момент присоединения к группе, вероятно, по-прежнему находились за рубежом. Впрочем, оригинальных материалов в таких группах было немного, число участников тоже невелико (обычно от нескольких десятков до нескольких сотен). Практически не было (и до сих пор нет) интересной полемики. Стоит отметить попытки создания антиваххабитской страницы или размещения отдельных статей с критикой ИГ с привлечением российских материалов, в настоящее время эти страницы тоже не активны. Многие группы и персональные страницы после непродолжительного периода активности, связанной с исламской тематикой, прекращали функционировать или вели вялое существование. Как часто бывает в студенческих сообществах, идеи, высказываемые в ходе таких обсуждений в соцсетях, часто бывали непоследовательными и незрелыми²².

Нам не удалось найти подтверждения того, что какая-то из таких групп или личных страниц используется в настоящее время как инструмент активной и систематической религиозно-экстремистской пропаганды, ориентированной на туркменскую аудиторию.

Разумеется в Туркменистане существуют и местные салафитские общины, о которых известно очень мало, действует «Хизб ут-Тахрир» (не вышедшая, правда, за рамки единичных ячеек), в последние несколько лет отмечались единичные случаи

¹⁹ Джумагулы Аннаев. Туркменских студентов, обучающихся в России, сочли самыми уязвимыми для радикального ислама // Caravanserai, 07.09.2020 (http://central.asia-news.com/ru/articles/cnmi_ca/features/2020/09/07/feature-01).

²⁰ Из моих интервью с ними в 2016 г.

²¹ Частная переписка автора, май 2020.

²² Типичный пример незрелого активизма – создание в 2012 году в VK страницы оргкомитета Исламской партии нации Туркменистана (<http://vk.com/club37854807>). В заявлении отмечалось, что «Туркменистан станет Могучим и Счастливым только с Партией Аллаха, только став Великим Исламским Государством!», поэтому новая партия планирует зарегистрироваться и принять участие в выборах в Туркменистане. Почти сразу за этим заявлением последовала серия коротких постов активиста новой партии об образовании ее филиалов в местах компактного проживания туркмен в Афганистане, Иране, Ираке и др., об объединении мусульман, которые создадут «смертельную угрозу мировому кафирскому порядку». Разъяснялось, что ислам в политике – это отсутствие коррупции, когда «начальники перестанут жить в полицейском оцеплении, ездить с мигалками, а будут честными, справедливыми и слушают нас, простой народ». Спустя полгода эта игра в политику в интернете прекратилась. Как ни странно страница продолжает обновляться вплоть до сегодняшнего дня, однако теперь она заполнена нейтральными материалами или объявлениями для студентов.

вербовки в зарубежные джихадистские группы через личные контакты непосредственно на территории Туркменистана. Однако информация об активности и нарративах таких сообществ внутри страны почти недоступна. Вследствие этого некоторые предположения и утверждения возможны лишь на основе экстраполяции единичных сообщений, которые не всегда можно подтвердить другими источниками.

Несмотря на все ограничения, включая выборочный досмотр электронных носителей в аэропортах, распространение в Туркменистане файлов с религиозными материалами, подготовленными за рубежом, продолжается. Бывший студент поделился опытом: «Перед возвращением закачиваешь материалы в файлообменник и отправляешь ссылку на новый адрес. Дома можно скачать их без заходы на подозрительные ресурсы. Потом файлы передаются из рук в руки тем, кому доверяешь»²³.

Еще один момент, который стоит иметь в виду при оценке туркменской ситуации. Начиная с 2014 года тысячи туркмен, проживающих в Турции и других странах, не смогли обменять свои паспорта на новые (консульства не принимали документы, требуя возвращения в страну). Такие туркмены рассматриваются туркменскими властями как нарушители миграционного законодательства, в случае возвращения в Туркменистан им грозит запрет на выезд сроком на пять лет. Из-за наличия этой угрозы многие туркмены настроены не возвращаться на родину в ближайшие годы²⁴. Эта постоянно растущая группа также является потенциально уязвимой для радикальной пропаганды.

Туркменские нарративы: источники и проблемы

Выше отмечалось, что в рамках настоящего исследования проанализированы некоторые аспекты деятельности в Туркменистане религиозных сообществ, фигурирующих в официальной переписке как: а) ваххабиты и салафиты; б) джихадисты, в) «Хизб ут-Тахрир». Эти сообщества (кроме «Хизб ут-Тахрир») фактически не являются едиными организациями, их названия используются как некие условные бренды.

Центральной проблемой при проведении такого анализа является крайне ограниченный доступ к нарративам соответствующих сообществ, циркулирующим внутри Туркменистана. Большинство таких материалов не доступно on-line; в туркменоязычном сегменте интернета отсутствуют блоггеры, которых можно связать с тем или иным сообществом; доступ к самим сообществам или их текстам, циркулирующим внутри страны на бумажных или иных носителях, также невозможен. Исследование соответствующих материалов на туркменском языке ранее никем не проводилось.

Нами было проведено предварительное изучение доступных ресурсов, которое показало наличие в соцсетях нескольких больших собраний аудио- и видеолекций и выступлений трех проповедников, двое из которых Атагелди ага и Ровшен ага являются известными фигурами туркменского салафитского движения, до сих пор популярными среди туркменской мусульманской молодежи; третий, проповедник Абу Омар ат-Туркмен мало известен, предположительно он является участником зарубежной джихадистской организации времен пика сирийского кризиса. Попутно просматривались и некоторые анонимные аудио и видеоматериалы, а также данные других источников (СМИ, сообщения бывших участников туркменских салафитских групп, проживающих за рубежом, и др.). По «Хизб ут-Тахрир» были проанализированы немногочисленные материалы, связанные с Туркменистаном, размещенные в последние годы на различных сайтах, связанных с этой организацией.

Дополнительную сложность представляло то, что материалы упомянутых выше трех проповедников сохраняются в виде сотен аудио- и видеофайлов, полноценное изучение которых невозможно в рамках ограниченных ресурсов и сроков данного

²³ Интервью автора с бывшим туркменским студентом, обучавшимся в России, май 2020.

²⁴ Интервью автора с туркменскими мигрантами в Стамбуле в октябре 2020 года.

проекта²⁵. Мы вынуждены были ограничиться выборочным изучением отдельных файлов, ориентируясь в большинстве случаев на обозначенную в их названиях тематику. При отсутствии других материалов изученные аудио- и видеозаписи служат важным источником, характеризующим набор идей и ценностей, распространяемых соответствующими течениями внутри Туркменистана.

Из-за отсутствия доступа к информации в нашем исследовании мы не затрагиваем ситуацию с сообщества этнических меньшинств (азербайджанцы, курды, узбеки, казахи и др.), некоторые из которых имеют более высокие показатели религиозности, чем туркмены, часть из них представляет шиитское меньшинство.

Салафиты и ваххабиты

Начиная с 1990-х годов движение салафитов в Туркменистане прошло в своем развитии несколько этапов, однако в литературе отсутствует анализ его динамики и нарративов.

По полученным нами данным примерно до конца первого десятилетия 2000-х ключевую роль в движении играли местные лидеры, получившие неофициальное религиозное образование у местных учителей или в Узбекистане еще в советское время. Власти пытались ограничить их активность, вытесняя из мечетей, и подвергли жесткому уголовному преследованию после насильственных инцидентов в Ашхабаде в сентябре 2008 года. Некоторые из них, включая такие известные фигуры как Атагелди ага и его отец Шир молла (Шир даде) умерли в тюрьмах. Им на смену в 2010-х пришло поколение более молодых лидеров, получивших исламское образование за рубежом. Ярким представителем этого нового поколения стал Ровшен Газаков, 1980 г.р., арестованный в Сирии в 2013 году. Примерно в 2011-2012 гг. он впервые начал размещать в сети систематические лекции об исламе на туркменском языке, основываясь на знаниях, полученных им в период учебы в Саудовской Аравии. Сегодня записи выступлений Атагелди и Газакова, доступные в соцсетях, имеют не только историческое значение, но и активно востребованы интересующейся исламом частью туркменской молодежи, выезжающей на работу или учебу за пределы Туркменистана.

Хотя в рамках сложившейся в Туркменистане традиции местные «ваххабиты» (часто их называют «ваххабистами») и обучавшиеся за рубежом молодые «салафиты» нередко упоминаются в разговорах и в официальных документах как разные сообщества, мы считаем, что в обоих случаях уместно говорить о туркменском салафитском движении. Показательно, что в хранилищах, созданных проживающими за рубежом туркменскими участниками соцсетей, аудиофайлы с лекциями Газакова практически всегда соседствуют с видеозаписями выступлений Атагелди.

Записи выступлений Атагелди, размещенные on-line, на данный момент – почти единственный доступный для исследования материал, отражающий содержание проповедей лидеров первой волны туркменских салафитов.

Нами выявлено 20 видеозаписей Атагелди на Youtube и в соцсети VK. Эти записи снимались на видео в доцифровую эпоху, и примерно в 2012-2015 годах стали размещаться в интернете в цифровом формате. Небольшая их часть доступна также в аудиоформате. Продолжительность отдельных записей от 2 минут до 2,5 часов. Записи не представляют собой систематизированные лекции. Среди них выступления в мечети, религиозные проповеди, ответы на вопросы в домашних условиях и др. Как видно из записей аудитория неоднородна: от мужчин-посетителей мечети до детей, пришедших на

---

²⁵ Доминирование формата аудиофайлов, обеспечивающего анонимность выступающего, во многом связано с распространенными опасениями жесткого преследования родственников авторов записей. Эти опасения до последнего времени были широко распространены в туркменской среде, вследствие чего даже участники уличных протестных акций в Стамбуле в мае-июле 2020 года в большинстве опасались открывать перед камерой свои лица. Одним из вариантов обеспечения анонимности был также распространенный в туркменском сегменте сети формат видеозаписи, незначительно отличавшийся от своего аудиоаналога.

занятия по исламу. Записи были сделаны в то время, когда Атагелди был имамом известной мечети в ашхабадском районе Хитровка.

Центральная тема многих проповедей – разъяснение значения веры и чтения намаза в жизни туркменского мусульманина. Обращаясь к туркменской аудитории, Атагелди критикует стремление к богатству и меркантилизм туркмен, игнорирующих исламские ценности, то, что во многих туркменских семьях не все члены читают намаз, женщины не соблюдают исламские нормы одежды и поведения, танцуют и поют на свадьбах и т.д. Он также неоднократно и резко критикует распространенную в Туркменистане традицию ношения *аладжа* (оберегов, одеваемых на запястье): «Что это - твоя алладжа? Она не поможет тебе искупить твои грехи. Она не показывает твои намерения в Исламе! Чтение намаза - вот что показывает насколько сильно ты верен своей вере».

Атагелди призывает туркменских мусульман четко отделять себя от кафиrow (неверных): «Мы - не те, кто будут идти вслед за ними (кафирами), не важно насколько они важны и нужны в этом мире..., не важно насколько мы можем нуждаться в них, мы не будем с ними вместе. У нас есть наш Аллах». «Книги кафиrow должны остаться в стороне».

«Между мусульманином и кафиром стоит намаз, - подчеркивает Атагелди. – Тот, кто не читает или перестает читать намаз, становится кафиром²⁶. Аллах не любит кафиrow!» «Не жди 40 лет, чтобы начать читать намаз» – призывает он изучающих ислам молодых мальчиков.

Для исправления ситуации с недостаточным утверждением в жизни туркмен исламских норм в одном из выступлений он предлагает, чтобы его слушатели хотя бы на своей улице распространяли информацию об Исламе, и со временем эти религиозные ценности примет большинство.

В одной из видеозаписей выступления вне мечети он упоминает, что в происходящих за рубежом конфликтах, в том числе между Россией и Чечней, мусульмане оказывают помощь другим мусульманам, в ответ мусульман называют «сепаратистами, фундаменталистами, ваххабитами, а теперь еще и террористами». «Почему мусульманин не может защищать свою веру?» - спрашивает Атагелди, обращаясь к аудитории.

Отношение к туркменскому государству в доступных записях практически не затрагивается. Лишь в одной записи Атагелди кратко упоминает о том, как его пытались посадить в тюрьму по ложным обвинениям на 11 лет или заставить оклеветать другого мусульманина. Имам отказался дать ложные показания, сказав, что «если я и умру в тюрьме, хадисы всегда буду помнить наизусть... Вера меня никогда не покинет».

Помимо записей Атагелди единственная доступная on-line видеозапись туркменского салафитского проповедника первой волны – это выступление Мурад ага (размещена в интернете без указания его имени, сам Мурад ага исчез в недрах туркменской тюремной системы, его дальнейшая судьба неизвестна)²⁷. В своей проповеди он критикует тех туркмен, которые стремятся к материальным ценностям. Заработанное не унесешь в могилу, подчеркивает Мурад ага, и куда бы вы не уехали – в Иран, Аравию или Россию – итог будет тот же. Он отмечает, что некоторые туркмены не читают намаз, но после их смерти родственники зовут мулл делать многочисленные обряды по умершему. Но вере надо следовать, пока вы живы. Иначе в день воскрешения дети спросят родителей, почему они не научили самому главному в жизни – чтению намаза. Примечательным моментом в выступлении Мурада ага является не характерное для местных салафитов неоднократное упоминание имени Махтумкули – туркменского поэта 18-19 веков, творчество которого оказало значительное влияние на туркменскую культуру и народное сознание.

²⁶ Тезис, близкий к идеологии такфиризма.

²⁷ Личность проповедника на видеозаписи была идентифицирована в ходе переписки с одним из бывших учеников Атагелди.

Все другие нарративы первой волны туркменского салафитского движения остаются недоступными для анализа. После гонений на салафитских лидеров и их вытеснения из мечетей в столице и Ахалском регионе многие бывшие ученики Атагелди сохранили интерес к религии, и яркие проповеди покойного имама оказали заметное воздействие на их дальнейшую жизнь. Некоторые выехали за рубеж, другие остались в стране, известны случаи, когда бывшие ученики пытались донести до окружающих те идеи и ценности, которые когда-то приняли сами. Известно о судебных процессах над некоторыми такими группами в последние годы²⁸, однако достоверной информации о содержании их домашних религиозных проповедей или неформальных бесед, связанных с исламом, нет. Также недоступны какие-либо данные о развитии первой волны салафитского движения и его нарративах за пределами столицы и Ахалского ваята.

Следующее поколение туркменских салафитов, получивших религиозное образование за рубежом, представлено в интернете несколько большим, но также не слишком широким кругом доступных источников. На общем фоне резко выделяются многочисленные аудиолекции Ровшена Газакова, популярные у туркменской молодежи, обучающейся за рубежом, спустя 7 лет после его ареста в Сирии. Известны уголовные дела в отношении туркменских студентов, приехавших из России, в электронных носителях которых были обнаружены аудиолекции Газакова²⁹. Почти все другие туркменские проповедники вплоть до последнего времени выступали on-line анонимно, фактически в аудиоформате, и по влиянию на аудиторию значительно отстают от Газакова.

«Наследие» Газакова включает более 300 аудиолекций по Исламу и несколько стихотворений. Основные хранилища этих файлов размещены в социальной сети VK, некоторые файлы доступны также на Youtube.

По неофициальным данным Ровшен Газаков родился в 1980 году в пригороде Ашхабада. В 2002-2006 гг. обучался в Саудовской Аравии, затем вернулся в Туркменистан, обсуждалась возможность, что его назначат имамом мечети. Из-за давления спецслужб, пытавшихся сделать его своим агентом, в 2010 году выехал с семьей в Каир (Египет), где был зачислен в университет «Аль-Азхар», и оставался в Каире вплоть до отъезда в Сирию в середине 2013 года. С июня 2013 года российское ТВ продемонстрировало кадры с задержанным в Сирии Газаковым, его дальнейшая судьба неизвестна. Передача вызвала большой резонанс не только в официальных структурах Туркменистана, отрицавших участие туркмен в сирийском конфликте, но и среди обычных туркмен.

В период жизни в Каире Газаков решил разместить в интернете систематические аудиолекции об исламе на туркменском языке, основанные на религиозных знаниях, полученных им в период учебы в Саудовской Аравии и Египте. На тот момент и вплоть до сегодняшнего времени это единственный систематический курс лекций такой тематики, доступный on-line на туркменском языке. Страница самого Газакова в соцсетях недоступна, но его файлы размещены сейчас многими другими туркменскими пользователями. Эти лекции включают широкий спектр тем, изложенных, по некоторым оценкам, последовательно и грамотно, на хорошем туркменском языке. Среди них – разъяснение религиозных понятий и терминов, комментарии к отдельным сурам Корана и др. Однако целый ряд файлов содержит агрессивную и эмоциональную риторику в адрес кафи́ров (неверных), а также против распространенных среди туркмен традиций, не соответствующих, по мнению автора, принципу единобожия.

В рамках исследования было изучено содержание некоторых таких аудиофайлов.

Так, в аудиовыступлении **Ybadata hakly ýeketäk iläh Allahdyr** подвергается резкой критике традиция посещения могил «святых» в Дашогузском ваяте. Газаков подчеркивает, что, несмотря на 360 могил «святых», Дашогуз – самая бедная в

²⁸ Эти данные получены автором из различных частных источников внутри и вне Туркменистана.

²⁹ Некоторые документы, связанные с этим уголовным делом, имеются в архиве автора.

экономическом отношении провинция Туркменистана. И похороненным в Дашогузе людям нужна милость Аллаха, а не те денежные пожертвования, которые попрошайки у могил используют потом для покупки героина или совершения других грязных дел.

В записи **Musulmanlara atylyan tohmet** говорится о влиянии евреев в советском Туркменистане, в результате чего, по мнению автора, туркмены потеряли собственное духовное наследие, в частности, вместо «Assalam Aleýkum» стали употреблять приветствие «Salam», являющееся производным от еврейского «Шолом». Газаков рассуждает о готовности туркмен принять чужие и противоречивые подходы к своему прошлому, не основанные на исламе, вследствие чего они испытывают кризис идентичности. «Если я хочу быть похожим на своих предков, они говорят: «Ты - ваххабит». Тогда все статуи, которые мы отливаем, - статуи ваххабитов!... Я - сын своего отца, я - не сын еврея или обезьяны!» В другой записи критикуются туркмены, которые «пытаются быть всем», в частности, приезжая в Индию, скрывают свою веру, чтобы «увидеть Кришну».

В ряде выступлений затрагивается проблема глобального противостояния ислама и неверных. Подчеркивается, что мусульмане должны защищать свою религию, стремиться к единству. Помощь неверным, которые угнетают мусульман, ведет к отступничеству от Ислама. В аудио **Kafirilige getiryan hereketler** отмечается, что следует помогать другим мусульманам, угнетаемым неверными, или вести джихад против последних. «Если вы хотите быть истинно верующим, вы должны ненавидеть неверного». «Вы должны ненавидеть неверных даже просто когда молитесь. Аллах приказал это и должен пойти против них».

В еще одном выступлении говорится о необходимости восстановить четкое разделение мира на земли мусульман и кафинов, как это было в доколониальную эпоху.

В записи **Musulmanlara terror diýip garalamak** отмечается, что мусульманские земли стали американскими, европейскими, китайскими и русскими колониями, «нет неверных, которые не колонизировали эту умму». Мусульман-салафитов, которые стремятся возродить истинный ислам и освободить мусульман от колониальной зависимости, клеветнически характеризуют словами «террор», «экстремист», «радикал», «ваххабизм», «ваххабит», «фундаменталист». «Но у истинного мусульманина, - подчеркивает Газаков, - нет другого имени, кроме «мусульманина».

В нескольких записях содержатся выпады в адрес христиан, евреев, коммунистов, дарвинистов и масонов. Мимоходом упоминаются попытки Джорджа Буша представить мусульман террористами, однако развернутая критика Америки, характерная для материалов многих исламистских групп, не звучит.

Часть такого рода аудиозаписей содержит элементы полемики, контекст которой не всегда понятен без дальнейшего изучения объемного массива аудиофайлов Газакова.

По сообщению бывшего участника салафитской общины в Ашхабаде в выступлениях Газакова также затрагивались темы неправомерного преследования мусульман в Туркменистане, в частности преследований за бороды и хиджаб, чтение Корана в общественном месте. Описывался случай, когда сотрудники МНБ заставляли его и других «соблюдающих мусульман подписать бумагу, что у них другая религия». Однако в тех файлах, которые были отобраны нами для выборочного изучения, такого контента обнаружить не удалось.

Как отмечалось выше, лекции Газакова в последние годы популярны среди религиозной туркменской молодежи. Те, кто находится за рубежом, скачивают их в интернете, иногда совместно прослушивают. Внутри Туркменистана файлы передаются в основном из рук в руки. Со времени ареста Газакова в Сирии в июне 2013 года власти Туркменистана жестко преследуют тех, кто хранит или распространяет эти файлы внутри страны.

Помимо доступных в аудиоформате лекций и выступлений Газакова на религиозные темы сохранились аудиозаписи шести его религиозных стихов. По мнению

туркменского литератора, проживающего в Европе³⁰, в плане литературных стандартов стихи не очень высокого качества и многие из них можно характеризовать как hate speech. В то же время стихотворения важны для понимания взглядов Газакова и той среды, из которой он вышел; отдельные из них апеллируют к настроениям и ценностям туркменского общества, местами выходя за рамки традиционной салафитской риторики (например, упоминание туркменских племен и др.).

Наиболее ярким в этом плане является стихотворение "Dinle Kommunist" (Послушай, коммунист)³¹. По свидетельству нескольких туркменских эмигрантов оно производит сильное впечатление даже на тех туркмен, которые не следуют религиозным требованиям.

Стихотворение начинается с описания того, что 70 лет назад в Туркменистан пришли кафиры-коммунисты, разрушили мечети и медресе, убили многих женщин и мужчин и установили свое господство, раны от которого остаются и сегодня. Но придет время, восклицает Газаков, когда туркменские племена (в стихотворении перечисляется пять основных племен) поднимутся на борьбу с кафирами и объединятся. У коммуниста-кафира отберут богатство, женщин возьмут в наложницы, сыновьям отрежут головы. Убежать от гнева туркмен не удастся, «голыми руками сдерем с тебя шкуру». Туркмен поддержат другие мусульмане из постсоветских стран. «Гордые джигиты с Кавказа, татары, башкиры будут бить вас, казахи, кыргызы и узбеки соберут войска, и таджики - против тебя, коммунист!» Развивая тему, Газаков переходит к ситуации в современном Туркменистане. Если теперь страны стали свободными, - спрашивает он, - «почему туркмены в слезах?» И отвечает: «Что за правитель - без ума, ученый - без знания, молодежь - без веры, а дочери - без чести? Какой толк от флага без ислама?» По его мнению «пришло время узнать, где друг и где враг». Как можно ненавидеть чеченцев и афганцев, борющихся с кафирами? - задает вопрос Газаков. «Ведь твои отцы тоже защищали Ислам и били коммунистов... Разве ты хочешь, чтобы я стал кафиром или продавал честь дочери-шлюхи?» В конце стихотворения Газаков обращается к туркменскому народу: «Пойми меня, они не хотят Ислама. Или умереть, или жить. От Ислама мы не отречемся. Соберем войска на бой с кафирами».

Призывы к вооруженной борьбе содержатся и в некоторых других стихах Газакова. Так в коротком Dile Türkmen туркмен призывают просить милости Аллаха, не бояться кафиров, бороться с ними и отрубать им головы³².

В рамках проекта были просмотрены и некоторые другие аудиоматериалы на туркменском языке, размещенные в Youtube и соцсетях. Так в аккаунте пользователя Abdullah Abdullah в Youtube³³ размещены более 170 анонимных видеофайлов с религиозными лекциями на туркменском языке. Большинство из них сгруппированы в серии от 6 до 28 файлов. Материалы относятся к 2014 году, но обращения к ним зафиксированы и в прошлом году. Ресурсы для изучения такого массива видеоматериалов в рамках проекта отсутствовали. В одной из серий были отобраны две аудиолекции, в которых разъясняются понятия «тагут» и другие, связанные с ним. Лекции имеют по

³⁰ Письмо автору от 03.05.2020.

³¹ Слово «коммунист» используется в этом стихотворении как в историческом смысле, так и для обозначения правителей современного Туркменистана.

³² Призывы такого рода являются следствием радикализации взглядов Газакова после его отъезда из Туркменистана в 2010 году. Вряд ли туркменские власти выпустили бы его повторно из страны или рассматривали его кандидатуру на должность имама мечети, если бы подобные радикальные призывы высказывались им ранее. Динамика событий на Ближнем Востоке, последовавших за арабской весной 2011 года (падение авторитарных режимов, выход протестантов на улицы, идеологические споры и вспышка активизма в арабской мусульманской среде, вооруженный конфликт в Сирии и др.) серьезно повлияла на его взгляды. По словам знакомого Газакова, его отъезд в Сирию был неожиданным для большинства его туркменских друзей в Египте. Вплоть до отъезда он не идентифицировал себя с какой-либо из джихадистских групп. Арест в Сирии, вопреки сообщениям российских СМИ, последовал через короткое время (менее трех месяцев) после отъезда из Каира.

³³ <http://www.youtube.com/channel/UCskvQleTcdpjBm6uBs16gFA>

несколько сот просмотров. Они ориентированы на подробное изложение (с использованием эмоциональной риторики) того, что должен делать «правильный мусульманин» в отличие от кафи́ров. Помимо прочего лектор приводит примеры из повседневной жизни. Однако при прослушивании не возникает ощущения, что выступление ориентировано на жителей Туркменистана, адаптировано к реалиям их жизни. В одной из этих лекций «**12 Tagut sozunin manysy turkmen wagyzy**» кратко упоминается о том, что американцы манипулируют народами и странами и что президенты многих стран, где живут мусульмане, являются тагутами, правящими не по законам Аллаха. «Если ты подчиняешься и делаешь то, что говорит Америка, тогда ты – тагут, и ты - овца этих тагутов. Некоторые люди делают то, что говорит президент Америки или президент России... Им все равно, что он приказывает - халяль или харам, тагутам не важно». В кратком комментарии к этой лекции, оставленном в прошлом году, один из читателей отмечает, что «тагут вызывает озабоченность у обществ, которые сегодня называют себя мусульманами» и что таухиду (единобожию) «нужно научить всех». Ответный комментарий Abdullah Abdullah: «Ты прав, мой брат, все мусульмане в Туркменистане обязаны изучать только ТАУХИД». Тематика «тугута» отражена и в специальной серии из 10 лекций, размещенных на той же странице.

Завершая обзор салафитских нарративов, ориентированных на туркменскую среду, стоит упомянуть краткие сообщения о некоторых региональных салафитских группах, включающие данные о распространяемых ими идеях и действиях.

В 2016-2017 гг. поступали сообщения об арестах и осуждении участников салафитских групп в Ашхабаде, а также на западе Туркменистана. Салафитов обвиняли, в частности, в неоднократных разрушениях памятников с фотографиями на кладбищах и некоторых «святых мест». Иногда за такими акциями стояли местные имамы (последнее сообщение такого рода относится к 2017 году, после публикации туркменской службы RFE/RL³⁴ главный имам Балканского веляята был снят с должности). Данных об этих группах очень мало.

По неподтвержденным сведениям среди осужденных в Ашхабаде в 2017 году был по крайней мере один из бывших учеников Атанелди ага (о котором мы писали выше). Он регулярно встречался со знакомыми и обсуждал с ними вопросы религии. Участники неформального сообщества признавали, что им не хватает знаний об исламе, говорили, что надо хотя бы одного человека отправить на учебу в Саудовскую Аравию, чтобы потом он обучал остальных. В другом подвергнутом разгрому сообществе на западе и юго-западе Туркменистана, вкл. г.Сердар (бывший Кызыл-Арват) Балканского веляята, идеологами и организаторами были, как утверждают, выпускники ближневосточных исламских университетов.

Джихадисты

Из-за закрытости туркменского общества мы имеем крайне ограниченную и противоречивую информацию об участии граждан Туркменистана в деятельности джихадистских (террористических) групп внутри страны и за рубежом.

В 2013-2015 гг. в ряде публикаций назывались цифры числа этнических туркмен, участвующих в боевых действиях в Сирии на стороне незаконных вооруженных формирований (от 350 до 500). Неясно, на основе чего сделаны эти оценки и какая их часть являлась гражданами Туркменистана (при этом в различных источниках одни и те же цифры подвергаются различной интерпретации). Какие-либо дополнительные данные об участии в конкретных группировках, их подразделениях или боевых отрядах, именах лидеров и др. в доступных источниках отсутствуют (при наличии таких данных по выходцам из других центрально-азиатских стран). Также неизвестны туркменоязычные тексты или обращения групп или больших джихадистских сообществ на кириллице или

³⁴ Türkmen yamalary ýüzi suratly mazar daşlary bilen 'söweşýär' // Azatlyk Radiosy, 28.04.2017 (<http://www.azathabar.com/a/28457111.html>).

латинице, ориентированные на аудиторию внутри Туркменистана. Нет доступных данных и об именах граждан Туркменистана, погибших в зоне конфликта, судебных процессах над участниками таких формирований или связанными с ними лицами в Туркменистане.

В июне 2013 года в Сирии был задержан туркменский салафитский проповедник Ровшен Газаков (о нем говорилось выше). Согласно его рассказу, ретранслированному в переводе на русский российскими ТВ-каналами, до отъезда в Сирию он якобы прошел подготовку в «отряде шейха Мурада под Ашхабадом», затем был переброшен из Стамбула в лагерь на границе с Сирией, связанный с «Аль-Каидой», и т.д. Этот рассказ содержит явно недостоверные детали, так как Газаков покинул Туркменистан еще в 2010, до апреля 2013 оставался в Каире, откуда и уехал в Сирию. И, конечно, никаких вооруженных исламистских отрядов под Ашхабадом нет, имя «шейха Мурада» в Туркменистане неизвестно³⁵.

В настоящее время часть туркмен по-прежнему находится на территории Сирии. В марте 2019 года Reuters сообщило о сдаче в плен некоторых из них³⁶.

Что касается джихадистов внутри страны, если оставить в стороне явно неправдоподобные панические сообщения СМИ, например, про 400 подозреваемых боевиков, якобы арестованных в Туркменистане к августу 2015 года³⁷, то информации об этом немного.

Так, в публикации 2017 года по делу группы Бахрома Сапарова в Лебапском велаяте (осуждены в 2014) сообщалось, что в деле фигурировали два эпизода, связанные с Сирией. В одном из них житель Туркменабада, 1987 г.р., звонил из Турции знакомому, спрашивал, «продолжают ли ребята встречаться» и затем призвал участвовать в джихаде: «Если называетесь мусульманами, то езжайте в Сирию и там покажите, какие вы верующие». Призыв был отвергнут руководителем группы, что, впрочем, не спасло его и других от ареста. В статье отмечается, что сам звонивший неоднократно бывал в Сирии, при очередной попытке нелегально пересечь границу был задержан турецкими силами безопасности и депортирован в Туркменистан, где осужден на длительный срок. В другом эпизоде житель Туркменабада звонил своей матери из Сирии (позднее там же он и погиб)³⁸.

Другим материалом, вероятно отражающим официальную версию борьбы с джихадистами внутри страны, является публикация в ноябре 2016 года ныне не существующего сайта «Азат Туркменистан»³⁹. Статья, судя по специфической терминологии, представляет собой изложение документа МНБ с обзором борьбы с «джихадистами» в Лебапском велаяте за неполный 2016 год. В тексте утверждается, что велаят стал «основным плацдармом» для подрывной работы джихадистов в Туркменистане. Далее описываются следующие события:

1) арест в марте в одном из районов велаята 10 женщин, причастных к изготовлению «поясов шахидов», некоторые из них попали под влияние радикалов в период нахождения в Турции;

2) арест в марте в мечети «Абу-Юсуф» в г.Туркменабад 22-летнего мужчины, который во время пятничной молитвы начал публично обвинять власти Туркменистана в установлении режима кафинов, призывая единоверцев к созданию теократического государства; он также подверг критике туркменское руководство «за поддержку президента России В.Путина, истребляющего в Сирии братьев по вере»;

³⁵ Частные сообщения, полученные автором в мае 2020.

³⁶ Среди сдавшихся в Сирии боевиков есть граждане Туркменистана // Радио Азатлык, 08.03.2019 (<http://rus.azathabar.com/a/29810309.html>).

³⁷ Джумагулы Аннаев. Туркменские граждане арестованы по пути в Сирию // "Central Asia online", 11.08.2015 (<http://www.inozpress.kg/news/view/id/46536>).

³⁸ «Они вряд ли увидят свободу». Новое в деле осужденных верующих из Туркменабада // turkmen.news, 10.01.2017 (<http://turkmen.news/human-rights/oni-vryad-li-uvidyat-svobodu/>).

³⁹ Гурбан Дурдылыев. Аркадаг+террор=Аркатеррор // сайт «Азат Туркменистан», 04.11.2016 (<http://www.azatturkmenistan.org/analytics/arkadagterrorarkaterror.html>, в настоящее время ссылка недоступна).

3) арест в марте военнослужащего срочной службы из Ахалского веляята, который «вел пропагандистскую деятельность» и «тайно отправлял религиозные обряды»;

4) арест в июне 41-летнего жителя г.Магданли (Лебапский веляят), завербованного в ряды «джихадистов» во время пребывания в Турции, который за два года переправил в Сирию более 20 человек; изъята «литература и электронные носители информации экстремистского характера с призывами присоединиться к террористической группировке «Исламское государство».

В том же обзоре упоминается задержание в г.Ашхабаде четверых выпускников медицинского института, распространявших экстремистскую литературу, двое из которых намеревались выехать в Сирию в качестве врачей для помощи боевикам. Отмечается, что обвиняемые «попали под влияние исламских радикалов» в процессе общения в сети Facebook. «Также выявлен факт вербовки через интернет нескольких учениц старших классов средних школ Атамуратского этрапа Лебапского веляята».

Опустим здесь эпизоды с вербовкой студентов в других странах (этот вопрос мы затронули в другой части нашего обзора).

Материалы такого плана более позднего времени недоступны.

Как видно из этого обзора, какие-то пропагандистские материалы, связанные с ИГ и событиями на Ближнем Востоке, в то время распространялись внутри Туркменистана, но их содержание остается для нас неизвестным.

Вернемся теперь к вопросу о контенте джихадистских материалов на туркменском языке, доступных on-line.

В качестве примера таких материалов рассмотрим аудиовыступления пропагандиста, известного в интернете под ником Абу Омар ат-Туркмен. В хранилищах на некоторых страницах в VK доступно более 120 его аудиозаписей, что делает этого туркменского проповедника вторым по числу доступных on-line материалов после Ровшена Газакова. Какие-либо данные о нем отсутствуют. По некоторым оценкам, Абу Омар судя по особенностям его речи является выходцем из Ахалского или Марыйского регионов Туркменистана. Как и у Газакова, записи сделаны в период активной фазы сирийской войны. При сравнении выступлений Газакова и Абу Омара можно отметить, что речь Абу Омара более агрессивная и менее последовательная (он часто перескакивает от одной мысли к другой); он неоднократно говорит об убийстве неверных как религиозном долге; тематический охват уже, складывается впечатление, что у него не очень высокий уровень исламского образования.

Интересно, что в салафитских общинах внутри Туркменистана, а также среди туркменских студентов за рубежом, с которыми общался автор, имя и проповеди Абу Омара практически неизвестны. В некоторых хранилищах в соцсетях его записи хранятся вместе с записями Газакова и Атагелди, но в других хранилищах представлены записи только двух последних проповедников, что можно оценивать как своеобразное идеологическое отмежевание туркменских салафитов от Абу Омара.

В рамках проекта были изучено содержание нескольких записей, судя по названиям файлов представляющих интерес для темы исследования.

Один из файлов озаглавлен «**Türkmenistanyň hükümetine duýdurys**» (Предупреждение правительству Туркменистана). В этом выступлении Абу Омар обрушивается с резкими нападками на кафи́ров, которые не следуют пути Аллаха, предпочитая вместо этого демократию, патриотизм, многобожие и богохульство. Однако, по его мнению, ислам все равно придет и «будет править», хотя египтяне этого сейчас не хотят. Упоминает, что он и его единомышленники действительно пугают кафи́ров террором: «Мы войдем в вашу игру и приблизим ее к тому дню, которого вы боитесь». «Если ваша голова отрублена, это будет сделано перед вашим ребенком!» Призывает: «Встаньте на путь Аллаха, встаньте и пожертвуйте своим делом, ... сражайтесь с этими людьми, и борьба - это лучшая сделка для вас». В записи упоминается, что «мы видели, как... двое львов убивали вас» (возможно, имеется в виду вооруженный инцидент в

Ашхабаде в сентябре 2008 года). Далее опять звучат многочисленные призывы к убийству кафиrow: «Мы должны убить вас. Это наша цель! Ты понимаешь это? Приближаемся к Аллаху, убивая тебя! ... Хадис говорит: «Если мусульманин убьет кафира на пути Аллаха, он приведет его ближе к раю, чем к аду». Убить тебя - это гарантия для нас попасть на небеса... Вот почему жди этого! Убить тебя - наше желание! Наша цель в молитве к Богу - убить тебя, пролить кровь и стать ближе к Аллаху!... Вера повелевает нам: убивайте кафиrow! Убивайте везде, где найдете кафира!» «Мы получим вашу собственность, ваших овец, все собранные вами вещи... Вы живете для нас! Построй, заработай, а мы придем и получим!... Вы потеряете весь свой мир, у вас ничего не останется!»

В нескольких других изученных аудиозаписях Абу Омар неоднократно возвращается к темам джихада, хижрата, халифата и другим.

Так, в **Jihādi taşlamaklyk barada** он говорит, что мусульманин должен стремиться к халифату и совершению джихада, трудности на этом пути будут лишь испытанием собственной веры. Те, кто откажется от джихада, станут кафирами и предателями ислама. Упоминается, что «в нашей и соседних странах» не происходит ничего, что могло бы помочь сделать ислам всемогущим (вероятно, имеется в виду пассивность населения Центральной Азии при активной динамике событий на Ближнем Востоке).

В **Diniñizi Öwreniň, Ymamlyk (Halyfatlyk) barada** Абу Омар подчеркивает, что защита ислама от кафиrow должна быть целью мусульман. Для этого мусульманин должен быть образован и хорошо знать свою веру, иначе легко пойти в неверном направлении. «Если существует халифат, то всегда нужно стремиться присоединиться к нему».

В лекции **Jihād** отмечается, что кафиры не только убивают мусульман, но распространяют через интернет ложную информацию о тех, кто несет истинную веру. При этом некоторые слабые мусульмане позволяют, чтобы ими манипулировали через такую фальшивую информацию. Эта же тема затрагивается и в **Mynafyklykdan gorkmak**. Там же осуждается лицемерие. У тех, кому лень совершать ранний и поздний намазы, отмечает Абу Омар, развивается лицемерие, намаз таких людей никогда не будет принят Аллахом.

В **Doganlyk** говорится о важности братства и искренности среди мусульман, обмена знаниями об исламе, для получения которых, по мнению Абу Омара, «не требуется много времени».

В **Hijret hakda. Kufurde oturýanlara delil** подчеркивается, что мусульманин должен стремиться к джихаду, для участия в котором надо выехать в мусульманскую страну. Очень важно покинуть кафирские страны, у мусульманина должно быть такое желание. Нельзя соблазняться искушениями кафиrow, ведь только ислам принесет вечную жизнь в раю.

В несколько хаотичном изложении **Hijrete böwet bolýanlar** Абу Омар говорит, что из-за препятствий, создаваемых кафирами, мусульманам трудно переезжать из одного места в другое, некоторым бывает сложно повидать родителей. Но мусульмане не должны бояться таких испытаний.

Таким образом, в аудиозаписях Абу Омара представлен большой объем джихадистского контента, отражающий подходы и проблемы, характерные для непосредственных участников вооруженных конфликтов на Ближнем Востоке. Это существенно отличает эти нарративы, ориентированные на туркменскую аудиторию, от рассмотренных ранее записей Атагелди и Ровшена Газакова.

«Хизб ут-Тахрир»

«Хизб ут-Тахрир» (запрещена в России и большинстве стран Центральной Азии) декларирует себя в качестве транснациональной религиозно-политической партии, выступающей за восстановление исламского образа жизни путем создания теократического исламского государства – халифата. При организации работы (включая пропаганду) страны разделяются на государства с преимущественно исламским

населением (*маджал*) и неисламские. В странах *маджала* выделяются крупные государства, в которых партия может ставить политическую задачу провозглашения халифата, и остальные, где работа концентрируется в основном на развитии организационной структуры и распространении идеологии организации. Туркменистан относится к этой последней группе стран. Основные постулаты идеологии «Хизб ут-Тахрир» исследованы в большом числе работ, при этом в отношении некоторых важных аспектов высказываются противоречивые оценки. Особенности региональной пропаганды, напротив, недостаточно изучены.

Имеется крайне ограниченное число источников, характеризующих работу «Хизб ут-Тахрир» в Туркменистане. Доступные материалы дают основание считать, что в отличие от других стран Центральной Азии, структуры этой организации в Туркменистане находятся в зачаточном состоянии. Масштабы пропаганды «Хизб ут-Тахрир» в Туркменистане крайне ограничены вследствие как неразвитости организационной структуры, так и проблем с интернетом (подробнее см. выше). Организация почти не известна даже среди активных последователей неофициального ислама внутри страны. Один из туркменских студентов в России, связанный с салафитами в Ашхабаде, сообщил автору, что название «Хизб ут-Тахрир» слышал только в России.

В некоторых западных публикациях (ICG, Karagiannis, Varan, Abazov и др.) ранее сообщалось о заметной активности «Хизб ут-Тахрир» в Туркменистане начиная с 1990-х или по крайней мере с начала 2000-х годов, упоминались раздача листовок на улицах, работа в тюрьмах, влияние в политической элите, армии, учебных заведениях и др. Однако все эти сообщения, по нашей оценке, основаны на недостоверных данных или ошибочных интерпретациях, что неудивительно, учитывая степень закрытости страны (этот вопрос будет рассмотрен более детально в отдельной публикации).

В публичных материалах самой организации отрывочные данные о попытках сформировать структуры «Хизб ут-Тахрир» в Туркменистане встречаются с 2012 года. Предположительно идеи «Хизб ут-Тахрир» проникли в страну через туркменских студентов, обучавшихся в России (регион Поволжья). В последующие годы связи с российскими единомышленниками сохранялись, при этом создается впечатление, что немногочисленные активисты по-прежнему не интегрированы в систему связей внутри Центрально-Азиатского региона.

В одном из недавних уголовных дел в России фигурирует изъятая у обвиняемого внутренняя переписка организации. В письме, датированным июнем 2015 года, упоминается Туркменистан. Автор пишет: «Так и не возобновилась связь с нашим *сотрудником* в Туркмении, но его друг – наш *ученик*, передал, что с ним все в порядке, он работает в меру сил и у него нет возможности связываться по интернету»⁴⁰. Упоминание о проблемах связи через интернет туркменского «сотрудника» с Россией весьма примечательно.

В рамках проекта было проведено изучение доступных on-line материалов «Хизб ут-Тахрир», связанных с Туркменистаном.

Это изучение показало, что:

- нет материалов, подписанных местным отделением «Хизб ут-Тахрир» в Туркменистане (в отличие от аналогичных материалов во всех других странах региона);
- нет сайта «Хизб ут-Тахрир» Туркменистана (отделения организации в Таджикистане, Узбекистане и Кыргызстане имеют свои сайты);
- нет on-line материалов, пропагандирующих идеи «Хизб ут-Тахрир» на туркменском языке, в частности нет переводов на туркменский язык каких-либо теоретических работ организации, журнала «Аль-Вайи», статей, листовок, пропагандистских заметок, видеороликов и т.п.

⁴⁰ В этом и других изъятых письмах слово «сотрудник» используется в значении «член организации», а «ученик» - человек, участвующий в регулярном изучении книг «Хизб ут-Тахрир», но формально не вступивший в организацию («дорис» по терминологии «Хизб ут-Тахрир»).

Отсутствие таких материалов на туркменском языке on-line не означает их отсутствия в off-line формате⁴¹. Однако в любом случае их отсутствие в интернете при наличии сотен тысяч туркменских мигрантов в Турции свидетельствует о неразвитости структур организации среди туркмен.

В рамках исследования были изучены также новостные материалы о Туркменистане на различных сайтах, связанных с «Хизб ут-Тахрир», за последние несколько лет. Если исключить тексты, где Туркменистан упоминается в ряду перечисляемых стран региона, публикации о Туркменистане на этих сайтах являются крайне редкими (кроме 2018 года, о котором ниже). Обычно они представляли собой дайджесты сообщений туркменской службы RFE/RL, реже - русскоязычных новостных и правозащитных зарубежных сайтов, с короткими комментариями. Большинство из них касались темы давления государственных органов на мусульман в Туркменистане. Также затрагивались социальные вопросы (перебои в снабжении хлебом и мукой, преследование женщин, являющихся неофициальными вторыми женами, и др.).

Некоторые комментарии к таким сообщениям содержали призывы к созданию справедливого исламского государства как альтернативы нынешней политической системе, в других случаях комментатор ограничивался осуждением действий властей по ограничению религиозных свобод или давлению на мусульман. Тексты, как правило, имели броские заголовки, рассчитанные на привлечение внимания аудитории («В Туркменистане запрещают намаз», «Или намаз, или работа» и др.).

Сообщение о перебоях в снабжении хлеба и мукой, подготовленное в 2018 году для партийной газеты «Ар-Рая» и распространявшееся на нескольких языках, имело заголовок «Правительство Туркменистана крадёт муку из домов своих же граждан!» и сопровождалось следующим комментарием:

«Пришло время отвернуться от этого преступного несправедливого правительства и принять курс на установление праведного государства — Исламский Халифат по методу пророчества, которым будет управлять халиф в соответствии с положениями исламского законодательства, опасаясь перед Аллахом посягнуть на права своих граждан. Мусульмане соскучились по такому халифу... Только с установлением такого государства неизбежно будут ликвидированы безработица, бедность и непомерный рост цен».

Текст составлен от имени некоей Мухлисы из Узбекистана (автора ряда статей об этой стране на сайтах «Хизб ут-Тахрир»). Прямые или косвенные указания на «узбекское авторство» встречается и в других текстах. Это можно рассматривать как еще одно косвенное подтверждение тезиса о слабости структур «Хизб ут-Тахрир» в самом Туркменистане.

Единственным событием внутри Туркменистане, описанным на основе информации собственных источников организации, является смерть в августе 2018 года при неясных обстоятельствах задержанного спецслужбами в Ашхабаде 24-летнего Бегенча Аннаева, окончившего годом ранее университет в Башкортостане (Россия). Двое его одноклассников, закончивших тот же университет в 2016, были арестованы в Туркменистане в феврале 2018 года и затем осуждены. Эта смерть дала импульс попытке Центрального медиа-офиса «Хизб ут-Тахрир» инициировать широкую кампанию осуждения туркменского режима.

В конце сентября – начале октября 2018 года были опубликованы более 10 видео, аудио и текстовых публикаций, связанных с происшедшим, на русском, английском, арабском, турецком, узбекском и других языках⁴².

⁴¹ Один из наших источников в Ашхабаде сообщил о случаях изъятия материалов «Хизб ут-Тахрир» на туркменском языке в 2011-2012 гг. По его сведениям, материалы изымались у граждан Туркменистана – студентов и женщин, прилетавших из Турции (большая часть) и России. Сообщение не подтверждено другими источниками.

⁴² Стоит отметить, что первый видеоматериал на арабском (с субтитрами на английском и турецком) появился 28.09.2018 на сайте CentralAsiaMedianews, использующем символику, типичную для «Хизб ут-

Заявление Центрального медиа-офиса, озаглавленное «Режим Туркменистана подавляет мусульман, призывая к соблюдению исламского шариата!», заканчивалось словами: «Государство Халифат... будет вскоре установлено по воле Аллаха, и оно сурово накажет угнетателей и убийц за их преступления!».

В развернутом комментарии партийной газеты «Ар-Рая», переведенном на русский язык, отмечалось: *«Глобальная кампания колониальных государств, направленная на войну с Исламом и мусульманами, не проводится руками колонизаторов. Напротив, её совершают мусульманские правители-агенты, выполняя все виды преступлений против верующих и доказывая тем самым свою преданность своим хозяевам — Америке, России и Европе. По этой причине режим Туркменистана проводит варварскую репрессивную политику против чистых носителей призыва... Приспешники преступного режима убили его, полагая, что таким образом они смогут предотвратить установление Второго Праведного Халифата по методу пророчества или ослабить искренних тружеников на этом пути».*

В большинстве сообщений о гибели Аннаева последний характеризовался как «благочестивый и праведный мусульманин», у которого «было горячее желание нести истинный ислам людям». Лишь спустя месяц в одной из публикаций «Хизб ут-Тахрир» на английском языке было впервые прямо сказано о том, что погибший был «искренним носителем призыва Хизб ут-Тахрир», членами той же организации были и его осужденные друзья. В текстах на русском и центральноазиатских языках упоминание об этом отсутствовало (возможно из-за опасения спровоцировать новые преследования со стороны туркменских властей).

Из-за неясного контекста, противоречий и неточностей в текстах первоначальных сообщений⁴³, информация о смерти Аннаева не получила заметного распространения в постсоветском информационном пространстве.

Последние достоверные сообщения об активности «Хизб ут-Тахир» в Туркменистане относятся к лету 2019 года.

Данных об аудитории этой организации в Туркменистане нет. Судя по отрывочным данным (дело Аннаева и его одноклассников) можно предположить, что, как и в других странах региона, на нынешнем (начальном) этапе формирования структур организации в Туркменистане основную группу активистов составляют мужчины студенческого и постстуденческого возрастов.

Подход властей к проблеме предотвращения радикализации, ведущей к насилию в Туркменистане

Внутри Туркменистана отсутствуют публикации о проблеме радикализации, тема не упоминается в СМИ. Слабо представлена тема и в материалах туркменской службы RFE/RL (единственной зарубежной радиостанции, ведущей трансляцию на туркменском языке) и на независимых зарубежных туркменских сайтах, базирующихся в Европе.

Вследствие фактически тоталитарной модели общественного устройства Туркменистана публичное признание наличия сторонников радикалов внутри страны или участия граждан Туркменистана в джихадистских группах за рубежом воспринимается официальными лицами как неприемлемое в условиях провозглашенной в стране «Эпохи

Тахрир», и демонстрирующем в конце записи надпись «HT Media». Одноименный анонимный youtube-канале канал на русском, узбекском и кыргызском, также разместивший идентичный материал, выходит без символики и каких-либо указаний на связь с запрещенной организацией. На этой версии канала, ориентированной на Центрально-Азиатский регион, демонстрируются новостные политические и социальные сюжеты без каких-либо радикальных призывов, но с нередким упоминанием в конце о том, что только следование исламским принципам позволит решить существующие проблемы.

⁴³ Первоначальная информация была опубликована на арабском языке 28.09.2018 и затем переводилась на другие языки. Возможно, неточности были связаны с качеством перевода на арабский поступившего из Центральной Азии сообщения.

Могущества и Счастья» под руководством президента Бердымухамедова⁴⁴. Некоторые ограниченные попытки идеологического противодействия радикализации имели место в период пика сирийского кризиса 2013-2016, тогда же аналогичные мероприятия проводились и среди туркменских студентов в некоторых странах, но сейчас это уже в прошлом. В отношении лиц, подозреваемых в причастности к религиозному радикализму, власти реагируют исключительно мерами уголовного преследования.

Чтобы изменить описанный подход к проблеме, требуется серьезное политическое решение на уровне президента Туркменистана при консультации с главой МИД. Однако признаков, что в ближайшей перспективе такой подход может измениться, нет. С учетом угрозы радикализации молодых людей в период учебы за границей (о чем было сказано выше) власти в последние годы стали рассматривать студентов и выпускников зарубежных вузов как особую группу, требующую дополнительного контроля. Официально это формулируется как «усиление фильтрационных мероприятий среди данного контингента лиц».

По сообщениям из Ашхабада почти все вернувшиеся из-за границы студенты находятся под негласным надзором по месту жительства. Их вызывают на разного рода собеседования, иногда пытаются давать задания разного рода, что является своеобразной проверкой на лояльность.

В международном аэропорту Ашхабада на протяжении ряда лет действовал выборочный контроль за содержимым компьютеров и мобильных телефонов пассажиров. Масштабы таких проверок возрастали, особенно в отношении молодых людей и определенных авианаправлений. Были случаи, когда сотрудники копировали содержимое компьютеров, используя специальные программы, которые позволяли находить документы, видео, аудио и скрытые файлы.

Большие силы брошены на профилактику и выявление любых настроений, которые, в представлении властей, не отвечают принятым в Туркменистане «нормам поведения». В частности, были попытки ограничить посещение мечетей молодежью до 30 лет. Молодые люди, которые продолжают регулярно посещать мечети, находятся под наблюдением спецслужб. В систему контроля вовлечены и некоторые имамы, вплоть до их заявлений в частных беседах, что «осознание веры и истинная вера приходят с возрастом и опытом, поэтому приходи в мечеть позже, когда созреешь». Еще в 2016 году имамам было предписано не допускать к молитве несовершеннолетних.

Относительно государственных программ и концепций в сфере предотвращения радикализации 6 декабря 2019 года на заседании Кабинета министров Туркменистана президент Гурбангулы Бердымухамедов утвердил Национальную стратегию Туркменистана по предупреждению насильственного экстремизма и противодействию терроризму на 2020-2024 годы, которая была разработана при содействии Регионального Центра ООН по превентивной дипломатии для стран Центральной Азии и Контртеррористического управления ООН. Выступление президента на этом заседании свидетельствует, что стратегия рассматривается властями прежде всего в контексте выполнения Туркменистаном международных обязательств в рамках Глобальной контртеррористической стратегии ООН и повышения международного рейтинга страны, при этом не упоминались проблемы, связанные с противодействием насильственному экстремизму внутри Туркменистана⁴⁵. 12 февраля 2020 года стратегия была презентована

⁴⁴ Вероятно, теми же причинами объясняется и отрицание на официальном уровне случаев заболевания COVID. Если не считать нескольких малых островных государств в Тихом океане, по данным на ноябрь 2020 года Туркменистан и Северная Корея – единственные страны мира, заявляющие об отсутствии случаев заболеваний COVID на своих территориях.

⁴⁵ Расширенное заседание Правительства Туркменистана: итоги 11 месяцев года и векторы внешней политики // turkmenistan.gov.tm, 07.12.2019 (<http://e-cis.info/news/567/84955/>).

в Вене⁴⁶. В январе и мае 2020 г. на встречах в Ашхабаде обсуждались дальнейшие шаги по реализации стратегии⁴⁷ (вероятно, они были скорректированы из-за пандемии).

Мне не удалось найти тексты национальной стратегии и соответствующего плана действий, свободный доступ к ним внутри страны отсутствует.

Гражданские активисты в Ашхабаде считают, что документы ориентированы прежде всего на международную аудиторию и не будут иметь заметного практического значения внутри страны. Возможно, некоторые мероприятия в рамках этих планов с участием Программы развития ООН и Международного центра «Хедая» дадут ограниченные возможности для вовлечения других международных структур в этот процесс. Однако достаточная информация для оценки уровня таких возможностей отсутствует.

Рекомендации

В ситуации, когда власти Туркменистана стремятся сохранить тоталитарную политическую систему и закрытость страны от внешнего мира, не допустить какого-либо публичного обсуждения существующих проблем, большинство рекомендаций и инициатив в сфере противодействия распространению радикальной идеологии, приемлемые в других странах региона, не могут быть реализованы в Туркменистане. Изменения возможны лишь в случае готовности власти к политическим реформам, однако признаков такой готовности на данный момент нет.

При таких условиях выбор возможных инструментов и шагов для воздействия на ситуацию крайне ограничен.

1) Следует изучить возможности продвижения идей, инициатив и расширения контактов внутри страны в рамках плана действий по реализации Национальной стратегии Туркменистана по предупреждению насильственного экстремизма и противодействию терроризму на 2020-2024, разработанной при содействии Регионального Центра ООН по превентивной дипломатии для стран Центральной Азии и Контртеррористического управления ООН. Сообщалось о мероприятиях в январе и мае 2020 года в Ашхабаде, организованных при участии Программы развития ООН в сотрудничестве с Международным центром «Хедая», при участии правительственных ведомств и проправительственной молодежной организации Туркменистана. Такие мероприятия, при их весьма спорной эффективности, тем не менее являются одной из немногих возможностей для проникновения внутрь «туркменского монолита».

2) Следует изучить возможности взаимодействия по теме проекта с немногими зарубежными on-line ресурсами, имеющими заметную туркменскую аудиторию. Речь идет, прежде всего, о туркменской службе RFE/RL, сайте «Хроника Туркменистана», возможно, некоторыми другими сайтами, созданными эмигрантами из Туркменистана. В настоящее время темы, связанные с радикализацией на религиозной почве, освещаются ими крайне недостаточно и нерегулярно.

3) Исследование показало, что on-line нет заметного потока религиозно-экстремистской пропаганды на туркменском языке. В то же время туркменская аудитория, особенно молодежь, интересующаяся вопросами религии, испытывает острый дефицит в систематических знаниях об исламе. Нынешняя ситуация, когда почти все доступные on-line лекции по исламу на туркменском языке принадлежат лицам, подвергшимся

⁴⁶ <http://russia.tmembassy.gov.tm/ru/news/51505>

⁴⁷ Повышение осведомленности о радикальном экстремизме среди молодежи и заинтересованных сторон, 30.01.2020 (<http://www.tm.undp.org/content/turkmenistan/ru/home/presscenter/pressreleases/2020/Raising-Awareness-on-Radical-Extremism-Among-Youth-and-Stakeholders.html>); Туркменистан и ООН обсудили вопросы сотрудничества в противодействии экстремизму и терроризму, 11.05.2020 (<https://turkmenportal.com/blog/27412/turkmenistan-i-oon-obsudili-voprosy-sotrudnichestva-v-protivodeistvii-ekstremizmu-i-terrorizmu>).

радикализации, представляется парадоксальной. Нужны альтернативные возможности для получения on-line религиозных знаний на туркменском языке, в том числе для туркменских мигрантов и студентов, находящихся за рубежом. В рамках таких проектов могла бы вестись и полемика с радикалами по наиболее важным вопросам.

4) Следует продолжить и расширить исследования состояния и динамики неофициального ислама в Туркменистане и возможных попыток радикальных внешних групп оказать воздействие на туркменскую аудиторию. Кабинетное исследование в рамках данного проекта показало, что на Западе и в СНГ отсутствуют работы, основанные на анализе туркменских нарративов и интервьюировании участников туркменских неофициальных религиозных сообществ. Хотя страна остается закрытой, опыт нашей работы свидетельствует, что изучение ситуации возможно через контакты с туркменскими религиозными мигрантами за рубежом (в Турции, России и др.). Такие контакты должны строиться на личном доверии, а не формальных процедурах типа стандартизированных интервью. На практике каждая публикация исследователя, прочитанная туркменской аудиторией, становится «мостиком» для получения новых эксклюзивных материалов. Доступные туркменские нарративы, отражающие взгляды тех или иных религиозных сообществ, также должны быть изучены более широко и систематически, чем это было возможно в рамках данного проекта.

Автор: Виталий Пономарев, Правозащитный Центр "Мемориал"